

4848409

Мини
На правах рукописи

НИЛОГОВ Алексей Сергеевич

**ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ Ф.Ф. КУКЛЯРСКОГО**

Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

2 ИЮН 2011

Москва – 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Государственный университет управления» на кафедре «Культурологии и менеджмента в сфере культуры»

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
Диденко Валерий Дмитриевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Попов Борис Николаевич

кандидат философских наук, доцент
Тараданова Татьяна Михайловна

Ведущая организация:

**Высшее театральное училище
(институт) им. М.С. Щепкина**

Защита состоится «17» июня 2011 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212. 049.13 в Государственном университете управления по адресу: 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, учебно-административный корпус, Зал заседаний Учёного совета Института государственного управления и права (А-319). 80

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного университета управления по адресу: 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, с авторефератом – на сайте <http://www.guu.ru>

Автореферат разослан «17» мая 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

А.В. Лопарёв

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Цивилизационный кризис, который переживает человечество в наши дни, в своём самом пессимистическом сценарии ставит проект *homo sapiens* на грань исчезновения. Итогом разрешения нависшего, словно дамоклов меч, антропологического кризиса может стать превращение человеческой цивилизации в мёртвые артефакты некогда богатой духовной и материальной культуры. Перед философией как областью самосознания культуры поставлены глобальные проблемы человечества, адекватное обращение к которым делает весьма перспективным их последующее решение с помощью научного знания. Именно философский, а в расширительном понимании – философско-культурологический подход, является единственным инструментом неотложного оперативного вмешательства в сложившейся экстремальной ситуации.

Русская философия в лице её ярчайших представителей ещё на рубеже XIX – XX веков пыталась предупредить человечество от эпох «грядущего хама» (Д.С. Мережковский) и «нового средневековья» (Н.А. Бердяев). Культурологическая проблематика обострилась накануне Первой мировой войны, о чём свидетельствует *количественный и качественный* рост публикаций тех лет, вслед за которым философема «заката Западного мира» прочно вошла в общественно-политический оборот. Кризис человеческой культуры возник не искусственным образом – по пятам умозрительных рассуждений писателей и философов, а вызревал многие столетия, обрстая идеологическими и технологическими наслоениями. Корень «первородного греха цивилизации» был погребён вместе с истоками самой человеческой культуры – путём отделения от природы через её вынужденное возделывание (*agricultura*) и неизбежное забвение (*cultura animi*). Тоска по природе была суммирована во второй половине XIX века в трудах выдающихся европейских интеллектуалов. Однако обострение проблем культуры выразилось на переоценке всех ценностей, по преимуществу «человеческих, слишком человеческих», и тоске по сверхчеловеку, что сполна определило философский дискурс XX столетия.

Вопросы, которые сформулировали зарубежные и отечественные мыслители в начале XX века, по-прежнему остаются без ответа, а следовательно, безответственны к новым вызовам уже XXI века, который в культурно-символическом плане по инерции питается иллюзиями и надеждами прошлого столетия. И сегодня отнюдь не поздно обратиться за ценным опытом культурных деятелей рубежа XIX – XX веков, мировоззренческие рекомендации которых актуальны как никогда.

Особая актуальность в ретроспективном отнесении к проблемам культуры мы видим в адресации к тем людям, чьи идеи не были услышаны современниками и поэтому оказались

вытесненными на второй план, хотя являлись неотъемлемой частью культурного контекста эпохи, а по некоторым, с виду маргинальным, выводам даже опережали его. Речь идёт о «серебряном веке» в развитии русской культуры, в частности, русской философии и таком её представителе – теоретике культуры, как Фёдор Фёдорович Куклярский (1888 – 1823).

По словам исследователя отечественной философии В.В. Ванчугова, «в изучении русской философской мысли, философской мысли в России огромную роль может сыграть именно фундаментально-культурологический подход. То есть поиск внутренних имманентных причин и оснований становления, функционирования и развития особого типа философствования, философской мысли, которую можно обозначить и таким эмпирически-абстрактным понятием, как «философия в России», и таким конкретным, как «русская философия»¹. На примере частной философской судьбы Ф.Ф. Куклярского хорошо видна общая беспризорность русской философии внутри страны – от бездонной бесночвенности до поверхностной почвенности. Тем не менее, общественный интерес к философии «серебряного века» в 1990-е годы дал мощный толчок для полномасштабной интеллектуальной ревизии достижений отечественной мысли (что, впрочем, привело к близорукому восприятию современной русской философии, оказавшейся не у дел, как в своё время были сброшены с корабля современности и заброшены на «философский пароход» переоткрываемые ныне мыслители). И обнаружилось, что наряду с именами русских философских классиков нашлось много менее известных имён из поколения молодых интеллектуалов, попавших в переломную годину войн и революций. К числу таких малоизвестных философов принадлежит фигура Ф.Ф. Куклярского, чьё творческое становление пришлось как раз на 1910-е годы.

Помимо историографико-философской актуализации идейного творчества Ф.Ф. Куклярского, крайне злободневным представляется исследование его культурологической концепции, которая помогает объяснить кризисность любой культуры, в общем, и соответствующую такой кризисности внешнюю и внутреннюю противоречивость всякой национальной культуры, в частности. В условиях назревшей критики идеологии мультикультурализма² вопрос о самоидентификации для каждой национальной культуры предстаёт стержневым, а главное – состоящим из таких недиалектических противоречий, которые не снимаются (синтезируются) в гегелевской триаде, а представляют собой антиномии, то есть логически равноправные противоположности. Антиномическая методология Ф.Ф. Куклярского проблематизирует кризисную размерность культуры и тем

---

¹ Ванчугов В.В. Очерк истории философии «самобытно-русской». – М., 1994. – 406 с. – С. 329.

² Смотрите недавние выступления европейских лидеров, отказавшихся участвовать в проекте «заката Европы».

самым помогает посмотреть на мультикультурные тупики с точки зрения мирного сосуществования культур, что потребует переосмысления самой идеологии «мирного сосуществования» из внешнеполитического формата во внешнекультурный.

Степень разработанности проблемы. Уровень разработки проблемы, связанной с реконструкцией и рецепцией философских идей Ф.Ф. Куклярского внутри истории русской философии, оставался недостаточным даже для научно-популязаторских публикаций. Поэтому данное диссертационное исследование является первым опытом репрезентации и систематизации материалов о жизни и творчестве Ф.Ф. Куклярского, позволяющим дать целостный идейный и биографический портрет этого русского философа рубежа XIX – XX веков.

С конца XX века в исследованиях по истории отечественной мысли огромное внимание стало уделяться эпохе «Серебряного века», когда русская философия максимально проявила себя внутри страны и целенаправленно шла к тому, чтобы выйти на международные интеллектуальные рынки. Однако даже с учётом подавляющего большинства учёных, ринувшихся изучать философское наследие «Серебряного века», по сей день открываются новые имена философов – пускай не первого плана, которые своими трудами создавали общий контекст философской мысли того времени. Несмотря на историографическую нишету материалов о Ф.Ф. Куклярском, некоторые идеи малоизвестного философа были раскрыты в трудах таких исследователей, как Г.К. Баммель, В.Н. Дуденков, М.С. Уваров, М.С. Каган, И.И. Толстикова, Г.В. Соловьёва, А.П. Козырев, Е.Д. Петряев, Т.В. Курбатова³ и некоторых др. Проблемы культурософии, вышедшие на передний план на рубеже XIX – XX веков и составившие мизантропологическое ядро

---

³ Баммель Г.К. Рецензия на книгу Ф.Ф. Куклярского «Критика творческого сознания (Обоснование антиномизма)» // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 1. – С. 207–210; Дуденков В.Н. Философия веховства и модернизм. Критика антигуманизма и эстетизма в России рубежа XX в. – Л., 1984. – 158 с.; Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб., 1996. – 212 с.; Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. – СПб., 1998. – 244 с.; Уваров М.С. Фёдор Куклярский – теоретик культуры (лекция в РХГА; http://www.rchgi.spb.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/sotonin.php); Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2006. – 478 с.; Толстикова И.И. Концепции кризиса культуры в русской философии начала XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. – СПб., 1997. – 201 с.; Соловьёва Г.В. Проблемы культуры в русской философии эпохи модернизма : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13. – СПб., 1997. – 158 с.; Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. И.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М., 2007. – 736 с. // Козырев А.П. Куклярский Фёдор Фёдорович. – С. 275; Петряев Е.Д. Философская тетрадь библиофила. Машиннопись. – Вятка, 1993. – 90 л.; Курбатова Т.В. Универсальный антиномизм творчества и созерцания в философии культуры Федора Куклярского // Русская философия: Преемственность и роль в современном мире. Ч. 1. – СПб., 1992. – С. 79–81.

творчества Ф.Ф. Куклярского, изучены на трудах таких мыслителей и учёных, как К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьёв, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, М.Н. Минский, Г.Г. Шпет, А. Белый, Ю.А. Асоян, А.В. Малафеев, С.Н. Иконникова, В.М. Межуев⁴ и др., а также зарубежных – М. Штирнер, Ф.В. Ницше, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер⁵ и др.

Однако, как показал анализ имеющейся литературы, в трудах российских философов и культурологов, в разной степени обращавшихся к фигуре Ф.Ф. Куклярского, отсутствует комплексный подход к изучению идейного багажа философа-ницшеанца, чья трагическая судьба растворилась на общем фоне социально-политических и историософских пертурбаций после 1917 года, когда традиция русского философствования была искусственным образом прервана, кульминацией чего стал печально известный «философский пароход» 1922 года. Несмотря на то, что отдельные параграфы в диссертационных исследованиях И.И. Толстиковой и Г.В. Соловьёвой были специально посвящены философии Ф.Ф. Куклярского, чему мы отдаём должное в виде соответствующего цитирования, тем не менее, самостоятельной научной работы о философе ещё не было. Поэтому наше диссертационное исследование является первой попыткой

---

⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 8. Кн. 1. Публицистика 1881–1891 гг. / Редкол.: В.А. Котельников (гл. ред.) и др. – СПб., 2007. – 640 с.; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – 5-е изд., с посмертными примеч., статью К.Н. Бестужева-Рюмина. {Теория культурно-исторических типов} и указателями предметов и имён. – СПб., 1895. – 630 с.; Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 10-ти т. – СПб., 1911–1914; Розанов В.В. Уединённое / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. – М., 1990. – 544 с.; Флоренский П.А. Стоял и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М., 1914. – 812 с.; Минский Н.М. Религия будущего: Философские разговоры. – СПб., 1905. – 302 с.; Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред.-составитель Т.Г. Щедрина. – М., 2008. – 592 с.; Белый А. Символизм как миропонимание. Сборник / Авт. вступ. ст. и примеч. Л. Сугай. – М., 1994. – 526 с.; Асоян Ю.А., Малафеев А.В. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. – М., 2000. – 342 с.; Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2005. – 474 с.; Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М., 2006. – 406 с.

⁵ Штирнер М. Единственный и его собственность / Пер. с нем. Б.В. Гиммельфарба, М.Л. Гошпиллера. – СПб., 2001. – 442 с.; Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского; пер. комментария А.Г. Жаворонкова; науч. ред. Е.В. Ознобкиной. – М., 2007. – 432 с.; Виндельбанд В. История новой философии в её связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. / Пер. с нем. А. Введенского; вступ. ст. О. Бойцовой. – М., 2000; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. – М., 1998. – 410 с.; Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания / Пер. с исп. С.Л. Воробьёвой, А.Б. Матвеева. – М., 2008. – 190 с.; Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: В 2-х т. / Пер. с нем. И.И. Маханькова. – М., 2009.

целостного рассмотрения идейного наследия Ф.Ф. Куклярского, прикладной целью которого является подготовка собрания сочинений философа.

Рабочая гипотеза исследования. Творческое наследие русского философа-нипшеанца Ф.Ф. Куклярского является неотъемлемой, но, к сожалению, неоправданно обойдённой вниманием частью русской философии «Серебряного века», без изучения которой невозможно объективно реконструировать картину отечественной мысли конца XIX – начала XX веков.

Основная проблема исследования заключается в репрезентации философских идей Ф.Ф. Куклярского, конгениальных идеям его современников, или, другими словами, концептуальное вписывание работ Ф.Ф. Куклярского в социо-культурный контекст эпохи, трагический характер которой нашёл в биографии и творчестве автора самое непосредственное воплощение.

С учётом выявленной проблематики основным **объектом исследования** является идейное, а именно философско-культурологическое, наследие Ф.Ф. Куклярского.

Предмет исследования – концепция философии культуры Ф.Ф. Куклярского.

Цель исследования состоит в определении роли и места русского философа-нипшеанца Ф.Ф. Куклярского в истории отечественной мысли рубежа XIX – XX веков, получивших метафорическое название «Серебряного века», а также в целом – в истории русской философии.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение ряда исследовательских **задач**:

- исследовать философские и публицистические работы Ф.Ф. Куклярского, которые до сегодняшнего дня так и не вошли в отечественный историко-философский оборот;
- выявить основные содержательные характеристики русской культурфилософии конца XIX – начала XX веков;
- сформулировать гипотезу о ресентиментном характере нипшеанства Ф.Ф. Куклярского, двойственный характер которого является источником филиации идей и в сфере морали, и в области философии;
- представить на основании идей Ф.Ф. Куклярского философско-культурологическое обоснование тезиса об уникальном трагизме русской культуры как феномене, максимально полно раскрывающем смысл человеческого существования;
- реконструировать методологию антиномизма Ф.Ф. Куклярского и аргументировать её более широкое применение в культурологических исследованиях;
- подготовить к изданию собрание сочинений Ф.Ф. Куклярского», а также продолжить поиски архива философа и сопровождающих материалов.

В частности, в фондах Российской государственной библиотеки выявлены три рецензии Ф.Ф. Куклярского, написанные им для журнала «Образование» (журнал литературный, популярно-научный и общественно-политический) в 1909 году. Ранее имела информация, что Куклярский сотрудничал в петербургских изданиях только с 1912 года.

1) Владимир Беренштам. Из жизни (сборник). -- М.: «Бодрая Мысль», 1908 // Образование. – 1909. – № 1. – С. 74–75. (подпись: Ф. К-ий)

2) Макс Ферворн. Естествознание и миросозерцание. Проблема жизни (Две лекции). – М.: «Современные проблемы», 1909 // Образование. – 1909. – № 4а. – С. 94–97.

3) Мари Гюйо. Безверие будущего. Социологическое исследование / Под редакцией Я.Л. Сакера. – СПб.: «Общественная польза», 1908 // Образование. – 1909. – № 5. – С. 125–130.

Теоретико-методологическая база исследования. Теоретическую основу исследования составили все изданные сочинения Ф.Ф. Куклярского, а также труды отечественных философов XIX века, в особенности – рубежа XIX – XX веков (П.Я. Чаадаев, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.С. Соловьёв, А. Белый, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, о. П.А. Флоренский, Л. Шестов, о. С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, Н.П. Ильин, Н.А. Васильев и др.), которые позволяют проследить процесс формирования концептуальной основы представлений об уникальности и самобытности русской культуры, исполненной глубокого трагизма, о зарождении самого феномена «русской философии» как одной из ключевых идеологем русской самоидентификации, а также иные труды отечественных философов и культурологов, специалистов по истории отечественной мысли – В.Б. Авдеева, М.С. Уварова, А.П. Козырева, И.И. Толстиковой, Г.В. Соловьёвой, П.В. Калитина, Ф.И. Гиренка, Е.Д. Петряева, Г.К. Баммеля, В.Д. Диденко, В.В. Ванчугова и др. Конгениальные переключки с философией Ф.Ф. Куклярского отмечены в текстах таких зарубежных мыслителей, как О. Вейнингера, М. Хайдеггера, Ж. Деррида, М. Фуко и др.

Методологической основой исследования является антиномический подход к реконструкции объекта исследования – идейного (философско-культурологического) наследия Ф.Ф. Куклярского.

В работе над диссертацией были использованы общенаучные методы исследования (логического анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному), частные (так называемые традиционные) методы общественных наук (сравнительно-исторический, метод структурно-функционального анализа), а также специальные методы философских исследований (теоретическое конструирование, описательное и аналитическое исследования).

Эмпирическую базу исследования составил широкий круг документов и источников, позволяющих доказать социо-культурную включённость фигуры Ф.Ф. Куклярского в философский контекст эпохи, чей контекст был сосредоточен на проблематизации трагизма человеческой культуры. Эти источники условно могут быть разделены на следующие группы: 1) печатные тексты Ф.Ф. Куклярского, включая архивные материалы (в частности, письма); 2) рецензии разных авторов на основные труды Ф.Ф. Куклярского; 3) эпистолярные источники – различные комментарии и переписка исследователей творчества Ф.Ф. Куклярского; 4) научные статьи о философии Ф.Ф. Куклярского, включая энциклопедические, а также диссертационные исследования, в которых идеям философа было уделено определённое внимание.

Основные результаты исследования, полученные лично автором и их научная новизна определяются выводами из осуществлённого комплексного философско-культурологического исследования идейного наследия Ф.Ф. Куклярского и состоят в следующем:

– изучены все опубликованные тексты Ф.Ф. Куклярского, в результате чего удалось сформировать максимально полный каркас философских проблем, волновавших автора, а также выявить его основные философемы;

– проанализирован и введён в философский и культурологический обороты важный историографический и источниковедческий материал о Ф.Ф. Куклярском, в частности, уточнены годы жизни философа, ранее варьировавшиеся из-за дефицита сведений; в целом, биография Ф.Ф. Куклярского в таком подробном виде представлена впервые;

– имя Ф.Ф. Куклярского реабилитировано в традиции отечественного ницшеанства, которая активно изучалась в 1990-е годы, но почему-то обошла стороной этого русского философа;

– реконструирована авторская концепция философии культуры, заключающаяся в антагонизме культуры и творческого познания;

– с философско-культурологической точки зрения обосновано расширение сферы антиномизма в исследованиях по отечественной культуре, а также в изучении конкурирующих культурологических учений;

– на частном примере концептуального творчества Ф.Ф. Куклярского показан репрессивный характер философствования, который зачастую выражается в таких философских методологиях, как деконструктивизм и деструктивизм.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русский философ-ницшеанец Ф.Ф. Куклярский – один из оригинальных представителей русской философии эпохи «Серебряного века»;

2. Русская культура и философия «Серебряного века» представляли собой «цветущую сложность» самых разных конкурирующих дискурсов, один из которых являет собой философия культуры Ф.Ф. Куклярского, чье авторство выразилось в активном низвержении традиционного русского стиля религиозного философствования;

3. Понимание культуры Ф.Ф. Куклярским антиномично в самом широком смысле, но методологическим стержнем данного понимания является критика логицистских концепций как таковых, притязающих на объективность и в науках о природе, и в науках о духе;

4. Концепция трагизма культуры, осмысленная Ф.Ф. Куклярским на примере русской культуры, пессимистична в признании того факта, что «культура трагического – осознанная и принятая нами не только как специфически русский *fatum*, но и как общечеловеческий предел достижений – такая культура, преодолевая человеческое, преодолевает и всю противоречивость человеческого бытия»⁶;

5. В свете методологии антиномизма Ф.Ф. Куклярский провозглашает проект новой – созерцательной – логики, которая должна стать идеалом философского познания, то есть не снимающим противоречия, а культивирующим их с точки зрения антиномизма абсолютного и относительного;

6. Критика культурфилософской концепции философа К.Н. Леонтьева позволила Ф.Ф. Куклярскому ретроспективно вписать фигуру К.Н. Леонтьева в элиту ницшеанства, о которой Леонтьев не мог знать, но, согласно Куклярскому, безусловно, выражал собой квинтэссенцию ницшеанства, поэтому имена Леонтьева и Ницше должны всегда стоять рядом;

7. Ницшеанство самого Ф.Ф. Куклярского, подпитываемое влиянием К.Н. Леонтьева, в котором он подозревал своё *Alter Ego*, исполнено мерой ressentimentа, чему виной, по словам М.С. Уварова, человекоборческий и анархический дух куклярскианской философии, обращённой против собственного автора.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в реконструкции идейного наследия Ф.Ф. Куклярского путём введения его не только в историко-философское проблемное поле, но и в культурологическое русло – как в плане истории культурфилософских учений, так и в современную методологию исследований мировой и отечественной культуры.

Материалы работы также могут быть использованы при подготовке научных публикаций, учебной литературы по вопросам истории русской философии «Серебряного века», а также при составлении лекций и спецкурсов по истории отечественной культурологии.

---

⁶ Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Книга I: Культура и познание. – Петроград, 1917. – 130 с. – С. 7.

Апробация результатов исследования

Основные положения, результаты и выводы исследования были представлены автором в ходе ряда научно-практических конференций, в том числе международных («Воображаемая логика» Н.А. Васильева и современные неклассические логики», Казань, 2010; «Дни Петербургской философии – 2010», Санкт-Петербург, 2010; «Рождение культурологии в России», а также «Смыслы начала третьего тысячелетия. Исправление имён», Иваново, 2011).

Результаты исследования отражены в публикациях: по материалам диссертации опубликовано 6 статей общим объёмом 1,46 п.л., из них 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы соответствует поставленной цели исследования и сформулированным в соответствии с ней задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень её разработанности, определяется объект, предмет исследования, формулируются цель и задачи исследования (обозначены его теоретическая и методологическая предпосылки), а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Русская философия конца XIX – начала XX веков и творчество Ф.Ф. Куклярского» состоит из трёх параграфов. *В первом параграфе «Место Ф.Ф. Куклярского в отечественной культурологии рубежа XIX – XX веков»* рассматривается культурно-социологический контекст эпохи «Серебряного века», в который жил и творил русский философ-ницшеанец Фёдор Фёдорович Куклярский (1888 – 1923), почти неизвестный отечественному читателю, за исключением специалистов по истории русской философии данного периода.

Биография Куклярского исследована весьма поверхностно. С одной стороны, можно предположить, что его философское творчество оказалось маргинальным для мейнстрима религиозного философствования рубежа XIX – XX веков (правда, маргинальным в точном смысле слова, то есть находящимся по краям – у пролести обсуждаемых проблем современности), а следовательно, по факту изучено крайне слабо. Однако, с другой стороны, наличие белых пятен в русской философии «серебряного века» ещё так много, что только сейчас происходит переоткрытие имён.

По традиции Фёдора Куклярского зачисляю в лагерь русских ницшеанцев, хотя его имя практически не упоминается в соответствующей литературе. Ницшеанским пафосом наполнены три книги философа, которые тематически и хронологически можно отнести к

первому периоду его творчества: «Философия индивидуализма» (СПб., 1910), «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» (СПб., 1911) и «Осуждённый мир. Философия человекоборческой природы» (СПб., 1912). Как теоретик культуры Куклярский показал себя во втором периоде, успев издать всего две книги: «Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания» (Петроград, 1917) и «Критика творческого сознания (Обоснование антиномизма)» (Чита, 1923).

Философская манера Куклярского сформировалась из противопоставления религиозному стилю философствования с его гуманизмом и духовностью, дополняя последний в логике непримиримого антиномизма. В самом деле, наследие Куклярского только сегодня начинает привлекать внимание исследователей русской философии. Сведения о философе приходится собирать буквально по крупицам.

Несмотря на явный дефицит исследований, нам представляется очевидным, что философская манера Куклярского не уступит ницшеанским образцам русского философствования. Его философию инстинктивизма можно представить как разновидность философии жизни – философского течения конца XIX – начала XX веков, исходящего из понятия «жизни» как некоей интуитивно постигаемой органической целостности и творческой динамики бытия, в свою очередь являющегося разновидностью более общего философского течения – иррационализма, а открытый натурализм как разновидность философии человекоборческой природы, лишь терминологически подпадающей под разновидность также более общего философского течения – натурфилософии.

Во втором параграфе «Значимость и оригинальность философского наследия Ф.Ф. Куклярского» анализируются концепты русского философа-ницшеанца на примере таких трёх его книг, как: «Философия индивидуализма», «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» и «Осуждённый мир. Философия человекоборческой природы».

В творчестве Куклярского можно выделить три характерные черты: антиномизм, ницшеанская поза и прометеизм. Названные особенности нашли своё полноценное отражение уже в первой работе Куклярского 1910 года – «Философии индивидуализма», где он конкретизирует собственную философскую позицию. Её задача заключается в том, чтобы произвести кардинальный переворот в человеческих суждениях. Если до Куклярского немногие безумцы решались на критику человеческих идеалов – истины, добра и красоты, то он дерзает провозгласить идеалами человека – ложь, зло и безобразие.

Философ обосновывает потребность в создании новой науки – идеалогии. Куклярского интересует проблема соотношения реальности и идеала. Абсолютизация

идеалов – это философема. Речь можно вести только о перемещении центров тяжести с идеального мира в реальный и наоборот, но ни в коем случае нельзя утверждать то, что во власти человека «перерождение мира идеалов в мир действительности и наоборот»⁷.

Автор задаётся несколькими сверхриторическими вопросами: нельзя ли предположить, что стремление ко лжи, злу и уродству повлекло за собой реализацию истины, добра и красоты?..

Центральное место философ посвящает вопросу о соотношении истины и лжи. По мнению Куклярского, один Фридрих Ницше отважился на постановку вопрошания о ценности истины. Однако Ницше апеллирует понятием потусторонности, потому что определяет себя по ту сторону как истины, так и лжи, что свидетельствует о его неосознанной апологии своей нечеловеческой природы.

Куклярский определяет современную ему эпоху как время хаоса и символа, – как время, которое прикрывается символами, чтобы не проводить разграничительную черту между современниками (детьми настоящего) и детьми вечности. Первые живут злобой дня, вторые – злобой вечности. Первые никогда не поймут вторых, поэтому только преступная душа может быть названа прощательным читателем книги, проклинающей дух современности. Философ возводит страдание и влюблённость в опасность жизни – в её идеал, который вряд ли сможет найти понимание у современного человека. Между тем именно обострённая чувствительность, или обнажённость нервов, отличает гениальных людей от обыкновенных. Печальное настроение является защитным механизмом против непосредственного переживания страданий, однако работа угнетающих чувств не только приводит к победе, а чаще всего – к падению. Куклярский прогнозирует увеличение страдания у человека, а воля к страданию – различие аристократов тела и аристократов духа.

Спасение Куклярский связывает с развитием инстинкта духовного самосохранения. Этот инстинкт непосредственно преобразует все переживания индивидуума и укрепляет рефлексию и анализ на новом фундаменте – «несокрушимой силы непосредственности переживаний духовного характера»⁸. Торжество в мире человека за теми личностями, которые приручили инстинкт духовного самосохранения: аналогия вполне очевидна – из животного мира смогли выжить лишь те особи, которые обладали могуществом своего инстинкта физического самосохранения. Если интеллигенция раболепствует перед духом, то люди новой – духовной – конституции могут расходовать свой гений на странные удовольствия. В этом – их духовный монархизм.

Вывод Куклярского о соотношении двух инстинктов утверждает победу человека над царством материи, а затем – и над самим царством духа, что подразумевает поражение

---

⁷ Куклярский Ф.Ф. Философия индивидуализма. – СПб., 1910. – 172 с. – С. 84.

⁸ Там же, с. 143.

природоборческой мотивации в человекоборческой природе человека. Автор считает, что стремление к добру связано с гибелью инстинкта физического самосохранения, подобно тому, как «гибель инстинкта духовного самосохранения должна быть обусловлена волей ко злу»⁹. Каторжники духа рано или поздно перестают удовлетворяться духовной сферой, жаждут неестественного – безумной мудрости – и начинают ненавидеть добрых и великих. В недалёком будущем христианами будут преследоваться уже не цветущие телом, а цветущие духом, что нашло своё отражение в такой дихотомии, как «аристократия духа и аристократия тела», посредством которой Куклярский наметит философию человекоборческой природы.

Самая скандальная книга Куклярского – «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» – вышла в свет в 1911 году. Она написана в форме афоризмов в подражание немецкому философу Фридриху Ницше. Всё содержание 240 изречений сводится к последнему, в котором философ произносит приговор человеку: «Сгинь!»¹⁰

Отрицание ценности человека поставлено автором в прямую зависимость от ощущения одиночества своих нечеловеческих мыслей, составляющих понятие инстинкта духовного самосохранения, который противопоставлен инстинкту физического самосохранения и воспевание которого в западноевропейской философии особо заметно в среде позитивистов. Инстинкт духовного самосохранения занимает в философии Куклярского одно из ведущих мест. «Последнее слово» подтекстуально пропитано тоской по подлинной духовной жизни – по инстинкту аутентичного человеческого самосохранения, благодаря которому homo sapiens сможет возвыситься над слишком человеческим, то есть возвратиться не назад в лоно природы, а вперёд – в лоно своего нечеловеческого начала, из которого эволюционным путём возникло жалкое существо, стремящееся ко злу, потому что отягощено и подавлено добром.

Настоящим носителем инстинкта духовного самосохранения, по мнению Куклярского, может быть только индивидуалист, но не записной, а настоящий аристократ духа, несомненно перекликающийся с ницшевским сверхчеловеком, а в более смягчённом варианте – с ницшеанцем.

Идеалогический разрыв с Ницше в понимании инстинкта духовного самосохранения сводится к тому, что если у немецкого философа инстинкт духовного самосохранения присущ как ницшеанцу, так и сверхчеловеку, то у Куклярского он достигается через преодоление себя, в том числе через превозможение своих ницшеанских и даже сверхчеловеческих потенций.

---

⁹ Куклярский Ф.Ф. Философия индивидуализма. – СПб., 1910. – 172 с. – С. 147.

¹⁰ Куклярский Ф.Ф. Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства. – СПб., 1911. – 100 с. – С. 100.

Инстинкт физического человеческого самосохранения, привычный в дарвинизме и философии позитивистов, враждебен природе, которая в достатке жертвует биологическими видами, будучи преисполненной роскошью самоодарения и многообразием расточительства (лейтмотив философии жизни у Ницше). Однако, возможно, что Куклярский идёт ещё дальше, объявляя его антагонистичным нечеловеческой природе человека, – собственно человеческой природе, которая всегда есть невозможность. В результате Куклярский провозглашает высшим инстинктом в человеке инстинкт его нечеловеческого самосохранения, или человеческого самоуничтожения. Индивидуализм, доведённый до логического конца, означает для автора отказ от инстинкта духовного самосохранения ради алтаря познания в себе не-себя – ради жертвенника самости, – своего человеческого самоотчуждения.

Несмотря на тавтологичность формулировок, в том числе, при перечислении инстинктов человека, которые тасуются философом, словно колода карт, концепция инстинктивизма выглядит достаточно логичной и плавно перетекает в последующую книгу Куклярского 1912 года издания – «Осуждённый мир. Философия человекоборческой природы».

В ней в качестве культуролога Куклярский подводит результирующую черту под философией человекоборческой природы, которую именует открытым натурализмом. И автору не нужна маска, чтобы скрывать свою откровенную и смертельную рознь с человечеством, потому что его творческие силы питают могучие природные стихии, благодаря которым он проповедует новую культуру в духе принципиального антиномизма.

Куклярский определяет задачи своей философии, с помощью которых он хочет решить актуальную проблему современности, заключающуюся в нарождении предателей человечества – сатисфакторов первобытной природы и мизантропии, среди которых многие великие умы современности – от непримиримых человеколюбцев до непримиримых человеконенавистников. Если первые (Толстой, Джемс, Шиллер) стремятся вселить в человечество надежду, – веру в себя, оградив человеческое сознание от безвозмездных, подобных дару, поисков «истины», то вторые (Ницше, Леонтьев, Достоевский, Штирнер) – пытаются полностью обезнадёжить человечество. Но и те, и другие действуют в сущности неосознанно, не признавая в себе тайных природопоклонников (предательских натуралистов), отчего мизантропия природы ещё больше увеличивается, выражаясь в том, что человек подвергнул забвению её творческий характер, – выделившись из природного лона и тщеславно возвысив себя над ним.

Продолжая развёртывание философии человекоборческой природы, автор знакомит нас со своим взглядом на понимание добра и зла, истины и лжи, определяя его как

иррационалистический, в основе которого лежит инстинкт, один способный разрешить антинормии человеческого разума. Общее название для такой философии – инстинктивизм, в рамках которой выкристаллизовываются следующие понятия: человеческие инстинкты самотворчества (самосохранения) и саморазрушения (нечеловеческого натурального самотворчества).

Инстинкт самотворчества не является сугубо монистическим, поскольку неминуемо должен являться инстинктом разрушения всего нечеловеческого. Аналогичная особенность присуща инстинкту человеческого саморазрушения. Таким образом, суммирует философ, если одухотворённая личность смещает в своём творчестве центр тяжести в пользу инстинкта человеческого саморазрушения, или инстинкта нечеловеческого (натурального) самотворчества, то она расчеловечивается в замаскированную природу.

Предателями человека и адептами и апологетами природы Куклярский называет представителей крайнего индивидуализма – прежде всего Ф.В. Ницше и К.Н. Леонтьева, которым специально посвящена отдельная глава.

Леонтьев в трактовке автора предстаёт славянофилом в кавычках, который был в равной мере чужд и славянофильству, и западничеству. Эстетизм Леонтьева, констатирует автор, насквозь аморалистичен, а аморализм – насквозь эстетичен.

По мнению многих критиков, Леонтьев слишком православен, что за ним не чувствуется христианства, скорее уж – православное антихристианство. Эстетическая диалектика Леонтьева отождествляет близость конца с финальными потугами охристианить всех людей. Именно поэтому Леонтьев на стороне Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Указывая на противоречивость леонтьевского пессимизма, Куклярский показывает, что Леонтьев как эстетик всегда был победоносен в отличие от Леонтьева как христианина, который постоянно ступёвывался и отступал на задний план.

Куклярский решительно выступает против смещения добродетельной и человеческой жизни Ницше с его творческой и нечеловеческой жизнью. Он полагает, что леонтьевский аморализм более целостен, чем ницшевский, ибо борется против общечеловеческих ценностей, – с положительной моралью, – тогда как имморализм Ницше предельно амбивалентен. Ницше вынужден носить гуманистическую маску, в полной мере осознавая доверенную ему предательскую миссию, однако в его «любви к дальнему» намного больше бесчеловечности, чем человечности, потому что человек должен быть преодолен.

В третьем параграфе «Ресентиментное ницшеанство Ф.Ф. Куклярского» сформулирована гипотеза о ресентиментном характере идейного наследия философа.

Ницшеанство Куклярского может быть названо ресентиментным¹¹ постольку, поскольку оно одновременно является и эпигонски-мстительным, злопамятным к ницшевским достижениям в философии (к его философским бреждам), а потому отвлечённо-аморальным, и подлинно-новаторским, вынужденным пойти на самоотравление собственной философии с тем, чтобы сказать новое «Да!» жизни и её философии, а потому творчески-деконструктивным и даже созидательно-деструктивным в логике забвения и уруинивания предшественников в традицию, в общем и целом, – проспективным.

В ницшевской трактовке ресентимента выделяют два значения – положительное и отрицательное. Первое значение определяется в качестве движущей силы в результате образования и структурирования моральных ценностей, представляя собой бессознательную атмосферу враждебности, которая сопровождается ненавистью и озлоблением. Другими словами, ресентимент – «это психологическое самоотравление, проявляющееся в злопамятстве и мстительности, ненависти, злобе, зависти. Однако взятые по отдельности все эти факторы ещё не образуют самого R., для его осуществления необходимо чувство бессилия»¹². Второе значение следующее: необходимость в запале ресентимента для преодоления культурных стереотипов – условие переоценки ценностей (в том числе и философских). Поскольку главный упор в ресентименте Ницше сделал на генеалогию моральных ценностей, постольку мы можем редуцировать его на переоценку моральных ценностей внутри самой философии, но поскольку европейская философия проникнута традицией критики религии, постольку с методологической точки зрения сподручней всего легитимировать ресентимент как непреложное условие всякого философствования.

Наша трактовка ресентимента рассчитывает получить такую дефиницию, согласно которой под ресентиментом будет пониматься психолого-трансгрессивное состояние философствующего, сочетающего в себе как подлинные, так и суррогатные антропологические практики.

Ресентиментный феномен Куклярского как философа характерен тем, что он в своих произведениях переносит схему ницшевской истории морали на схему истории философии, в которой философские рабы готовы вот-вот победить философов-господ. Однако, исходя из тезиса о том, что философия – это сплошной *ressentiment*, мы получаем такую категорию ресентимента, которая центрирует всю историю философии. В отличие от трактовки ресентимента Максом Шелером, радикально уточнившим ницшевский первоисточник (в защиту христианских моральных ценностей, в которых сам Ницше видел источник роста

---

¹¹ От французского слова *ressentiment* – злобная мстительность. Фридрих Ницше одним из первых использовал данное понятие в книге «Генеалогия морали».

¹² Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М., 2002. – 976 с. – С. 968.

злой мстительности), нас заинтересовала философская разновидность ressentiment, ориентированная на вопрос о философском оптимуме – наиболее благоприятных условиях философствования. Оговоримся, что в соответствии с нашим пониманием ressentiment должен быть неискореним, чтобы каждый человек имел возможность «философствоваться», то есть совершенствоваться в философии.

Вторая глава «Проблема трагизма культуры в русской философии конца XIX – начала XX веков в контексте культурологических идей Ф.Ф. Куклярского» состоит из трёх параграфов. В первом параграфе «Теоретико-методологические подходы к решению проблемы трагизма культуры в отечественной культурологии конца XIX – начала XX веков» задаётся проблемное поле для такой дисциплины, как философия культуры, становление которой пришлось на рубеж XIX – XX веков. Именно книга Ф.Ф. Куклярского «Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания» (Петроград, 1917) стала одной из первых попыток в России осмыслить зарождающуюся область междисциплинарного знания.

Философия культуры, или культурфилософия (культурософия), как раздел философского знания связан с анализом феномена культуры, её сущности и значения в человеческом обществе. Вполне закономерно, что в истории философии особую актуальность проблемы культуры получали во время социальных кризисов и коренных исторических моментов, приводя к фундаментальным антропологическим и культурологическим изменениям, отклики на которые по-новому отражались на общественном сознании. Проблематикой философии культуры занимались представители самых разных дисциплин и знаний, обогащая её тем, что прежде не входило в формат культурософской тематики.

Не секрет, что развитие философии культуры XX века оказалось более плодотворным в рамках западной культуры, потому что именно в ней кризисные явления отозвались и раньше, и глубже, а дополнительным фактором в эволюции философии культуры стали сложившиеся традиции философского мышления. Тем не менее, проблеме кризиса культуры отечественные философы конца XIX – начала XX веков уделяли самое пристальное внимание, и имена многих из них вошли в сокровищницу русской и мировой мысли (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Д.С. Мережковский, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Л. Шестов, В.Ф. Эрн и др.). На их фоне взгляды философов условно именованного «второго плана» смотрятся особенно ценно.

Тема культурно-цивилизационного кризиса Европы оказывается сквозной для социолого-философской мысли XIX – XX веков, а в XX веке она становится центральной для европейской культуры. Это обстоятельство позволяет констатировать существование

независимой антропологической направленности кризисного сознания, чья отличительная особенность – в признании исчерпанности европейских культурно-цивилизационных ценностей – «человеческих, слишком человеческих», переоценка которых во многом мотивировала усугубление кризиса.

Во втором параграфе «Проблема антагонизма культуры и творческого познания в культурфилософии Ф.Ф. Куклярского» рассматривается соответствующая авторская концепция, изложенная в книге «Философия культуры», где Куклярский даёт «критический анализ той познавательной-логической концепции, которая в качестве постулируемого императива обуславливает самые формы господствующего мышления и, являясь *conditio sine qua non* современной культуры, вводит нас в понимание её трагического духа»¹³.

Куклярский решает дать описание такого типа культуры, который бы содержал в себе все противоречия волеи и идей и одновременно был в состоянии преодолевать их. Чтобы справиться с трагичностью человеческого бытия, Куклярский грезит сверхчеловеческой культурой, в жертву которой должна быть принесена исполненная противоречий современная культура. Однако в итоге из трагедии культуры появляется культура трагического, в основе которой лежит осознание вездесущести смерти. Именно культ трагического как культ безысходности жизни должен стать, по мнению Куклярского, главным принципом будущей русской культуры. Речь идёт об окончательном синтезе, заключающем в себе отказ об общечеловеческих ценностях в пользу преодоления дистанции между человеческим миром и нечеловеческим миром, которое завершит культуру трагического.

Русский гений дышит противоречием между Востоком и Западом. Если западная цивилизация исполнена волей к власти, к жизни, к творчеству, будучи взращённой в атмосфере человеческого самоутверждения, то восточная цивилизация волеит к смерти. Развитие культуры свидетельствует о движении с Востока на Запад в ходе великого переселения народов, апофеозом которого стала американская культура. По словам Куклярского, русская культура является правопреемницей – наряду с американской – западноевропейской культуры, без полного овладения которой Россия будет пребывать в неизъяснимой грёзе, в то время как Западная Европа будет постоянно слушать риторику о собственной смерти (например, «Закат Западного мира» Освальда Шпенглера). Подлинная и окончательная смерть Запада – это триумфальное будущее русской культуры.

Культурфилософская позиция Куклярского, несмотря на прямолинейно шокирующие утверждения, направленные, как правило, на исчерпание мыслительных ходов, всё-таки не выпадала из общего настроя отечественной мысли, которая, начиная со славянофилов, нашла

---

¹³ Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Книга I: Культура и познание. – Петроград, 1917. – 130 с. – С. 4.

своё концентрированное выражение в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Именно благодаря критике леонтьевской философии культуры Куклярскому удалось привлечь к себе общественное внимание и снискать персональное признание в лице В.В. Розанова.

Положение России, окружённой апархией исторического бытия, обуславливается беспредельностью её географии, которая воплотилась в таких чертах русской психологии, как безграничность умственного кругозора, напряжённость исканий и вечная неудовлетворённость. Нередко эти буйные потоки угрожали самобытности русской национальности и русского духа, но всякий раз русский гений противопоставлял им свой дар преодоления односторонности и обличения типичного, в чём, по словам Куклярского, выразилась как величайшая сила, так и величайшая слабость России. Русский антиномизм культуры, заключающий «просвещение» Запада и «варварство» Востока, представляет собой трансцендентный антиномизм.

Куклярский считает, что судьба России – это судьба всего человеческого мира. По убеждению философа, историческая миссия России заключается в осознании того трагического смысла, который носит в себе величайшие противоречия и ужас безысходности человеческого бытия. Однако, несмотря на столь антиномичный пафос, противопоставление автором Востока и Запада отдаёт стереотипностью, свойственной многим его современникам. Восток и Запад настолько разнообразны, что большой натяжкой будет являться их «архе-типическая» полярность, а уж тем более – объединение в русской ментальности обоих начал.

Венцом оригинальных размышлений автора является определение сущности русского национального гения в качестве дара преодоления любой односторонности, а главное – человека как такового.

Исключительное внимание в «Философии культуры» Куклярский уделяет трагедии творческого познания, которая заключается в противоречии между созерцанием и творчеством. В связи с этим он рассматривает классические гносеологические теории, свидетельствующие о наличии познавательного самоограничения для человека.

Куклярский обращает внимание на правомочность ограничения практического познания ради безграничности теоретического познания, лишённого волевых творческих тенденций и традиционно-логической санкции последних, в то время как по ту сторону творческого сознания и логики творчества покоится созерцательное сознание и логика созерцания.

Культурный деятель, по мнению философа, столкнулся с антиномией воли к власти над непознаваемым миром. Куклярский формулирует её так: «Всякая культура,

осознанная и обоснованная по ту сторону мирового антиномизма, несёт на себе проклятия своего отпадения и неизбежно гибнет от собственных побед»¹⁴.

В проблеме антагонизма культуры и познания Куклярскому важен анализ духа подлинного познания, которому противостоит современная автору культура во всей её глубине. Чтобы более чётко показать антагонизм между творческим волением и созерцательным познанием достаточно охарактеризовать последнее в виде двух выводов.

Первый вывод таков: самоутверждение и самоотрицание творческого субъекта обратно пропорционально самоутверждению и самоотрицанию познающего субъекта¹⁵. Из него следует, что релятивизм для субъекта правомочен только в теории и созерцании, а не в жизни и творчестве.

Второй вывод сводится к тому, что философский взгляд на вещи является внутренне противоречивым. Поскольку подлинное, или философское, познание не может быть втиснуто в прокрустово ложе, созданное волей для успешного культурного строительства, постольку оно неминуемо должно было воплотиться в форме индивидуально-односторонних (в некотором смысле – солипсических) учений, каждое из которых претворило ту или иную творческую возможность, но исключительно в рамках типовых логических форм. Для того чтобы вывести философское мышление за пределы индивидуальных заданий, необходимо освободить его от рабства традиционного логического формализма.

Логическому суждению Куклярский противопоставляет философское суждение. Подлинной сферой познания учреждается философия, которая будет вправе претендовать на статус истинного знания, если философскому сознанию удастся окончательно освободиться от гипноза воли, выражающегося в привычных логических законах.

В третьем параграфе «Проблема абсолютного антиномизма как фундаментальное вопрошание об антиномичной размерности мира» анализируется концепция Ф.Ф. Куклярского об антитетике познавательного процесса, которая нашла системообразующее оформление в последней из опубликованных книг – «Критике творческого познания» (Обоснование антиномизма)» (Чита, 1923).

В начале параграфа излагается история развития проблемы антиномизма в русской философии – от первых рецепций антиномий чистого разума И. Канта в философско-богословском наследии российских иерархов 2-й половины XVIII – начала XIX веков до опыта о. П.А. Флоренского.

В «Критике творческого познания» Куклярский обращается к удручающей картине «разбитой и опустошённой теории, влачащей своё существование «на поводу» у

---

¹⁴ Куклярский Ф.Ф. Философия культуры. Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Книга 1: Культура и познание. – Петроград, 1917. – 130 с. – С. 46–47.

¹⁵ По: Там же, с. 96–97.

раздобрившего рыцаря практики»¹⁶. Время гиперанализа и гиперкритики приводит к тому, что становится невозможной любая попытка синтеза, а поражающая ум разнородность точек зрения сталкивает теоретическую мысль, с одной стороны, с давлением практицизма, а с другой – с примитивным использованием её построений в духе инструментальной истины.

Будущее развитие философии Куклярский видит в повороте от анализа к синтезу, за который придётся дорого заплатить, чтобы избежать пут творческого практицизма. Методологически Куклярский не отказывается от критики творческого сознания, конституирующего образ мира в качестве аксиомы, тогда как для настоящей философии данность мира – это всегда насущная проблема. Творческое сознание подлежит всестороннему изучению, на основе которого можно будет показать, что, во-первых, творческий практицизм слишком узок в волюнтаризации сознания, и, во-вторых, он должен приобрести формат проблематизации вместо констатации. По мнению Куклярского, требуется перенастройка функциональности творческого сознания на миротворчество, благодаря которому свершится великий синтез, могущий обогатить как творчество, так и теорию.

Преодоление логики творческого сознания автор видит не посредством алогизма и мистицизма, а с помощью «киного логического аксиоматизма, – не *одностороннего во имя практики, а всестороннего во имя чистой теории*»¹⁷. Данный логический аксиоматизм расположен по ту сторону творческого задания сознания, а потому, будучи насквозь антиномичным, может в полной мере освободить теорию от волюнтаристского максимализма.

Пропедевтическая трактовка проблемы сводится Куклярским к содержанию суждения, которое согласно подлинной синтетической теории не должно ограничиваться только отрицанием или только утверждением. Причиной такой теоретической фикции философ признаёт волевое начало сознания, стремящееся во что бы то ни стало избежать противоречивости, чтобы удостоверить данность мира.

Несмотря на то, что логизация знания принесла в жертву познавательное право индивидуального сознания и запретила ему пользоваться надиндивидуальным опытом, последний ничуть не пострадал, а вся дальнейшая эволюция философского мышления, состоящая из борьбы антагонистических идей, доказала свою внутреннюю антиномистичность.

Куклярский предлагает кардинальную логическую реформу, чтобы разделить области ответственности логики для творчества и теории путём преодоления логического монизма

---

¹⁶ Куклярский Ф.Ф. Критика творческого сознания. Обоснование антиномизма // Труды Философского общества при Гос. институте народного образования. Т. 1. – Чита, 1923. – 246 с. – С. 5.

¹⁷ Там же, с. 8.

логическим дуализмом. Если логика знания – синтетична, то логика творчества – аналитична, но ни одна из них не абсолютна. Знание и творчество носят дуалистический, то есть иррационально-рациональный, характер, вследствие чего бессмысленно обвинение в поглощении знания творчеством и наоборот. По словам автора, созерцательный взгляд на мир представляет собой относительный примат рационального над иррациональным, тогда как творческий взгляд на мир – иррационального над рациональным.

Высказанная антиномия иррационально-рационального для созерцания и творчества отличается тем, что рациональный приоритет созерцания, а значит статичности, и иррациональный приоритет творчества, а значит динамики, всегда сосуществуют и ни один из них не может получить абсолютное значение. Таким образом, объясняется относительная природа подлинного философского знания, а также дуалистичность аксиоматического основания логики данного знания. Куклярский даёт понять, что истинное знание мира не может быть ограничено своим статическим содержанием, потому что невозможно отменить динамическое будущее, но постулированная аксиоматика логической концепции остаётся всеохватывающим для структурирования надындивидуального опыта, который каждый раз имеет дело с исторически обусловленным философским познанием – подлинным в зависимости от внутренней противоречивости.

В заключении проводится обобщение результатов работы и определяются перспективы исследования, связанные с проблематизацией новой логической постулатики Ф.Ф. Куклярского.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Статьи, опубликованные в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов
докторских (кандидатских) результатов:**

1. Нилюгов А.С. Ресентимент в философии Ф.Ф. Куклярского // *Философия хозяйства*. – 2009. – № 4, июль–август. – С. 276–281 (0,36 п.л.);
2. Нилюгов А.С. Инстинкт духовного самосохранения versus инстинкт физического самосохранения // *Философия хозяйства*. – 2010. – № 3, май–июнь. – С. 247–252 (0,3 п.л.);
3. Нилюгов А.С. Философия культуры Фёдора Куклярского // *Вопросы культурологии*. – 2010. – № 8. – С. 88–92 (0,4 п.л.).

Публикации по теме диссертации в других изданиях:

1. Нилов А.С. Декларация прав постчеловека // ИГ-Ex libris. – № 31. – 11.09.2008 (0,05 п.л.);
2. Нилов А.С. Логическая конгениальность Н.А. Васильева и Ф.Ф. Кулярского // Труды Математического центра имени Н.И. Лобачевского: материалы Международной научной конференции «Воображаемая логика» Н.А. Васильева и современные неклассические логики»; Казань, 11 – 15 октября 2010 г.; Казан. мат. об-во. – Казань, 2010. – Т. 41. – 116 с. – С. 81–84 (0,1 п.л.);
3. Нилов А.С. Проблема антагонизма культуры в философии Ф.Ф. Кулярского // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры: Сборник научных трудов. – Иваново, Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ». 2011 (0,25 п.л.) В печати.

Подп. в печ. 13.05.2011.

Формат 60x90/16.

Объем 1,0 п.л.

Бумага офисная.

Печать цифровая.

Тираж 50 экз.

Заказ № 377

ГОУВПО «Государственный университет управления»

Издательский дом ГОУВПО «ГУУ»

109542, Москва, Рязанский проспект, 99, Учебный корпус, ауд. 106

Тел./факс: (495) 371-95-10, e-mail: diric@guu.ru

www.guu.ru